

ХУДОЖНИК РИСУЕТ МОСКВУ

Вел. Москва - 2001 - 6 сент. - С4

Помните немолодого художника из телефильма «По семейным обстоятельствам», гениально сыгранного Евгением Евстигнеевым, которому мама советовала: «Пиши старую Москву. Особняки снесут — и ты будешь нарасхват»? Конечно, было бы наивно полагать, что по полотнам Бутырского архитекторы и историки станут восстанавливать облик ушедшего города, но что-то ностальгическое в них, безусловно, есть.

Анна ВЯЗОВА

Что остается после вернисажа? Картины сняты и ждут своей участи: кто отправляется обратно к автору, а кому предстоит поселиться в чужой семье — их, как невольников, купили. Алексей Бутырский — художник покупаемый. Пишет в основном старую Москву, городской пейзаж.

Вот идет по выставке парочка. Она ему говорит: «Фи, какой мрачный художник». Полотна Алексея Бутырского этим не подойдут — они, наверное, ищут цветы в спальню.

У Бутырского любимая работа — сухое дерево в сероватой дымке, ветви переплелись, как скрюченные пальцы, а вдали — корабль с огоньком... Прямо заставка к фильму ужасов. Такое над кроватью не каждый повесит. Хотя в реальности он увидел этот сюжет над Москвой-рекой.

Алексею неинтересно делать работу «архитектурно» — переводить пейзаж на бумагу, как на кальку. Ему любя не констатация факта — вот как выглядит, например, Гоголевский бульвар зимой, а само ощущение зимнего бульвара: ночной падающий снег, беззвучные хлопья, будто выключили звук телевизора в уютном доме...

Неблагодарное занятие — картины словами описывать. И не берусь. Но трамвай — это отдельная тема. Он позирует художнику не раз. Ночной трамвай на Чистых прудах навеивает грустные воспоминания о чем-то ускользающем. Алексей, пожалуй,



Дождь на Новокузнецкой

прав — в трамвае что-то есть. Ночь. Улица. Фонарь... Аптеки не помню. Да и не в конкретике дело. На полотне слева — Якиманка, силуэт набережной. Знакомые московские улочки. Но смотришь на них — и почему-то возникает сердцебиение, будто вот-вот увидишь что-то, чего давно ждешь.

Бутырский мои ощущения объяснил рационально: он всего лишь «убрал» памятник Петру, а на его место поставил башенку. И все приобрело настоящий московский колорит. Хорошо художнику — он может изобразить мир таким, каким хочет его видеть.

Бродский говорил: «Стихи — это диктат языка». Так и картины. Им виднее, как кисть повернется. Одного им знать не дано — услышит художник зов полотна или нет?

Вот и с Бутырским произошел такая история. Начал морской пейзаж — а получилась иллюстрация к Толкиену: путник на лошади, рядом фигура с посохом — им предстоит долгий путь, и не по морю, как задумывал, а посуху.

Многие сокурсники Алексея по Суриковке пописывают леопардов с попугаями для заказчиков, у которых пальцы веером. Он не осуждает — каждому свое. Видел, как быстро исписывались те, кто бросался в конъюнктуру.

Знатоки находят в серебристом колорите Бутырского сходство с ранним, «допафосным», Глазуновым. Но корни исконно русские — Серов, Левитан, Коровин. Может быть, немного «американизированные» Уистлером и «француизированные» импрессионистами.

Ему, наверное, повезло: в 26 лет уже известен, есть свои фаны, те, кто ходит в ЦДХ «на Бутырского». Пишет, что нравится. Живет в новой квартире на 15-м этаже, где много света. Любит девочку с огромными цыганскими глазами, которая родила ему маленькую Веру. Родителям-инженерам, когда-то напуганным тем, что сын «ушел в богему», доказал, что рисовать — его призвание.

На мольберте — новая работа. И в ней, как всегда, виден не респектабельный молодой художник, а намокший от дождя студент, бредущий в поисках понимающей души по московским улочкам...



Кафе на Старом Арбате